

Кутищев А.В.

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВОЙН ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Аннотация: В центре исследования война и военное дело накануне эпохи Просвещения, как формообразования цивилизационно-культурного многообразия. Доминанта материалистического видения истории, экономический след, в военной реальности прослеживается только отчасти. В большинстве случаев он оказывается в тени более мощных побудительных мотивов, таких, как династические интересы, сословные пережитки, религиозные предрассудки. Как влиятельные факторы военной и политической активности, рассматриваются культурно-ментальные образования позднефеодального общества: придворная атмосфера, сословная этика, настроения, интриги. Немаловажное значение уделяется субъективному фактору, а также личным амбициям политиков, подрывающим созданный в XIX-XX веках образ рациональной последовательной и преемственной политики государств. В статье представлен сравнительный анализ отношения к войне различных сословий западноевропейского и российского общества. Сопоставление имеющегося фактологического материала позволяет сделать заключение о различной роли народных масс Западной Европы и России в ведении войн и несении военных расходов. Европейская военная культура рассматривается, как симбиоз профессионализма, военного права и кодекса рыцарско-дворянской чести. Российская военная служба – как самобытное сочетание государственного «тягла», общеземского дела и нравственного долга. Акцентировано внимание на определяющее влияние на военную культуру природно-климатического фактора. Всё это предопределяет различие как в характере войн на западе и востоке Европы, так и в их отражении в общественном сознании. Война в историко – философском дискурсе долгое время оставалась явлением политико-экономического формационного мира. Предложенная статья представляет собой компаративный анализ войн эпохи с позиций цивилизационно – культурного плюрализма, что позволяет выделить новые грани военного дела, а на традиционные формы взглянуть под иным ракурсом. В европейском обществе накануне Нового времени наблюдается постепенный переход от негативного отношения к войне к – индифферентному. Привыкание европейцев к войне, отношение к ней, как к норме жизни, постепенно становится всё более заметным оттенком европейской культуры. Инфантильность простого народа в сочетании с сословно-ментальной воинственностью дворянства, материальной заинтересованностью профессиональных воинов и агрессивной предприимчивостью торгово-промышленных буржуа дает основание современным исследователям заявлять о «культурной предрасположенности цивилизации к войне». На Руси наблюдаются обратные тенденции. В русской культурной традиции позднего феодализма война остаётся тяжёлым испытанием народа. Она несёт горе и страдания, разруху, лишения, голод, смерть. Более того, образы и ассоциации войн Нового времени только усиливают антивоенные настроения. Стойкое неприятие войны становится всё более доминирующим ментально-нравственным образованием русской культуры.

Review: The center of attention for the studies was formed with war and military arts before the Enlightenment epoch as a formation of civilization and cultural diversity. The dominantly materialistic approach to history and economical element are only partially manifested in military reality. In most cases they are overshadowed by more powerful motives, such as dynasty interests, class estate vestiges, religious bias. Cultural and mental formations of late feudal society (the atmosphere of the court, estate ethics, moods and intrigues) were influential factors of military and political activities. An important attention is paid to the subjective factor and personal ambitions of politicians, ruining the image of rational, step-by-step and successive policy of states, which was formed in XIX – XX centuries. The article provides comparative analysis of attitude to war in various classes of Western European and Russian society. Comparison

of the existing factual materials allows to draw a conclusion on differences in the roles of common people in the Western Europe and in Russia in regard to waging wars and bearing its costs. The European military culture is regarded as a symbiosis of professionalism, military law and the code of knight and nobility honor. Russian military service is regarded as an authentic mix of the state “yoke”, general land business and moral debt. Attention is paid to the defining influence of climatic and natural factor upon the military culture. All of the above predefines the differences in character of wars in the East and in the West of Europe and their reflections in the public conscience. War in a historical and philosophical discourse have for a long time been a matter of political and economic formations in the world. The article provides comparative analysis of wars of the epoch from the standpoint of civilization— cultural pluralism, allowing to show new dimensions of military arts, and to take a look at traditional forms from a different angle. The European community before the Early Modern Period shows a gradual transition from the negative attitude to war to the indifferent one. The Europeans got used to wars regarding them as normal, and it becomes a gradually more and more notable matter in the European culture. Infantile character of the common people in combination with the militant mentality of the nobles, material interest of trading and producing bourgeoisie allows the modern researchers to state that “civilization was culturally predisposed to war”. Russia shows the opposite tendency. In the Russian cultural tradition of the late feudalism war is a hard ordeal for the people. It brings pain and suffering, destruction, loss, hunger and death. Moreover, images and associations of the wars of the Early Modern period only strengthen the anti-war moods. Strong opposition to wars becomes more and more dominant mental and moral element of the Russian culture.

Ключевые слова: *Войны позднего феодализма, Европа и Россия, цивилизационная самобытность, особенности военного дела, культурные формообразования, субъективный фактор, традиции и обычаи, образы войны, военное право, романтика и честолюбие.*

Keywords: *Wars of late feudal period, Europe and Russia, civilization authenticity, specific features of military arts, cultural formations, subjective factor, traditions and customs, images of war, military law, romance and ambition.*

Война и военное дело в историко – философском дискурсе долгое время оставались явлением экономически детерминированного мира. В объяснении сущности и природы войны материалистическая концепция обладала видимым преимуществом, так как опиралась на выверенное в идейных спорах учение, подкреплённое политико-административным ресурсом. Суть его наиболее полно была выражена гениальным военным теоретиком К. Клаузевицем: «...война есть...продолжение политических отношений с привлечением иных средств»¹. Почти два века эта формула представляла собой краеугольный камень марксистско-ленинского учения о войне, где «политика – есть концентрированное выражение экономики».

В процессе интеллектуальных исканий последних десятилетий XX в. материалистическое видение истории утратило свои доминирующие позиции в гуманитарном знании. Переоценка ценностей сопровождалась сменой парадигмы развития мировой цивилизации. Признание многообразия мира, многовариантности и нелинейности развития ус-

ложнило, а порой и подвергало сомнению взгляд на исторический процесс, как на нечто непрерывное, целостное и универсальное.

Когда материалистическая методология была несколько потеснена культурно-цивилизационными взглядами, изменился и подход к военной истории. Со строгих методологических схем, тяготевших к политико-экономическим концепциям, внимание исследователей постепенно переключается на цивилизационно-культурные образования и их отношения к войне и военному делу.

Новые подходы к европейской военной истории активизировались в ракурсе критики общих универсальных концепций. Увлечённость догматическим концептуализмом часто оборачивалось явной подтасовкой, подгонкой артефактов под искусственные теоретические схемы. В частности, экономически детерминированные концепции тесно увязывали природу военных конфликтов с широким диапазоном политических проблем, с динамикой экономического развития, с интересами социальных классов. Всё это соответствовало реалиям второй половины XIX в., но не могло адекватно отражать реальную атмосферу, например,

¹ Клаузевиц К. Принципы ведения войны. М., 2009. С. 127.

XVII или XVIII вв. Часто суть событий и объяснялись и одновременно подтверждались надуманными тенденциями. И наоборот, то, что не укладывалось в прокрустово ложе устоявшихся теорий, считалось исключением из правил².

Зачастую, когда с высоты умозрительного теоретизирования сторонники универсальных схем спускались к конкретному военно – историческому материалу, результаты выглядели неубедительно. Подобные взгляды были полны натяжек и нестыковок. Особенно это характерно для интерпретаций европейской истории XVII–XVIII вв. Так, автор концепции циклов мирового лидерства, Д. Модельски характеризует Великобританию XVIII века, как мировую державу, однако, её политика сфокусирована на отражение французского вторжения, что совершенно не соответствует заявленному имперскому статусу³.

У. Томпсон представляет универсальную систему соперничества, в которой «глобальный военный период» 1689–1713 гг. трактуется, как попытка Франции узурпировать роль мирового лидера у Голландии. О Габсбургах, основных конкурентах Франции этого периода, в этой схеме даже не упоминают⁴.

Не выдерживает критики представленная некоторыми историками картина европейского мира XVI–XVIII вв. через призму геополитической модели XX в., через противостояние великих держав. В их интерпретациях исторической осью Европы представлена борьба Габсбургов и Валуа, которая затем уступила место антагонизму Великой Римской Империи и Франции, а затем – Англии и Франции. В схему глобального соперничества с трудом вписываются длительные исторические периоды если не тесного сотрудничества, то хотя бы мирного сосуществования вышеуказанных антагонистов. Так, соперничество Франции и Австрии в 1648–1756 гг., Англии

и Голландии в 1609–1688 гг. вылились в целый ряд ожесточённых войн, но это не мешало развитию нормальных отношений между ними. Более того, мирные паузы не были просто передышками между войнами. Наоборот, отношения между Великобританией и Францией в 1716–31 гг., между Францией и Австрией в 1727–1728 гг. характеризовались тесным сотрудничеством. Политические разногласия заставили Людовика XIV напасть на Голландию в 1672 г., но они не препятствовали тесному сотрудничеству с Вильгельмом III в конце 1690-ых гг. Торговые трения Великобритании и Испании подтолкнули эти державы к войне в 1739 г., но в 20-х и 50-х гг. XVIII в. между ними существовало тесное сотрудничество. Политические интересы Франции вынуждали её искать союза с Пруссией против Австрии в 1725, 1733–35 и 1741 гг., но и не препятствовали ей в союзе с Австрией напасть на Фридриха Великого в 1756 г. Европейские страны с лёгкостью переходили из лагеря в лагерь, меняли противников и союзников. В рамках монотеистических концепций трудно объяснить политику рубежа XVII–XVIII вв. не только Баварии, Савойи, Португалии, но и некоторых ведущих европейских держав.

Истинная природа, сущность и причины возникновения войн явно ускользали от исследователя, вооружённого претендующим на универсальность методологическим инструментарием. Её формы и проявления оказывались слишком многообразными, чтобы уложиться в прокрустово ложе упрощённых детерминистских теорий. Её ментальная стихия слишком противоречива и эмоциональна, чтобы адекватно отражаться в монохромной палитре политико-экономических схем.

Некоторые европейские исследователи предостерегали от злоупотребления такими категориями, как экономический потенциал, военная организация и военные бюджеты для объективной оценки межгосударственных отношений на заре Нового времени⁵. Общей канвой таких исследований обычно рассматривается рационалистическая государственная политика, дальновидная и скоординированная дипломатия, свободная от субъективизма и случайностей. Декларировался принцип государ-

² *Skocpol T.* Wallerstein's world capitalist system: a theoretical and historical critique. // *American Journal of Sociology.* – 1983. – № 82. – P. 1088.

³ *Modelski G.* The Long Cycle of Global Politics and the Nation State // *Comparative Studies in Society and History.* – 1978. – №20. – P.222.

⁴ *Thompson W. R.* Uneven Economic Growth, Systemic Challenges, and Global Wars // *International Studies Quarterly.* – 1983. – №27. – P.347.

⁵ *Doran C. F.* Power Cycle Theory and the Contemporary State System // *Thompson W. R.* Contending Approaches to World System Analysis. Beverly Hills., 1983. P.178.

ственных интересов, которому якобы придерживались европейские монархи и кабинеты. Политической целью считалось сохранение равновесия в Европе, политические реалии уже XIX в. В рамках подобных взглядов войны рассматривались как продолжение последовательной политики, преследующей национальные интересы, понимаемые как рациональная польза для страны и общества.

Сторонники цивилизационного подхода настойчиво предостерегали от псевдонаучных экстраполяций и обобщений. Так, Люсьен Февр и Марк Блок считали, что, оценка прошлого через призму современных стереотипов искажает историю. Ф. Бродель полагал, что общество следует изучать таким, каково оно есть и не следует стремиться к выявлению каких-то глобальных законов. П. Сорокин видел в цивилизации огромные музееподобные хранилища материальной культуры, выставленные на обозрение без какой-либо системы.

Военное дело в культурном многообразии западноевропейской цивилизации характеризовалось следующими позициями. Политические предпочтения складывались под воздействием самых различных факторов. Культурно-ментальные образования, такие как настроения, слухи, интриги, играли в этом не последнюю роль. Куртуазная атмосфера двора ничуть не уступала властным претензиям монархов, политическим амбициям государств или сословий. Особо ценились галантные манеры, умение ухаживать за дамами, вести непринуждённый разговор, грациозно танцевать, проявлять щедрость и даже расточительство и т.д.

Настоящим камнем преткновения универсальных концепций являлся субъективный фактор⁶. Образ мудрой, последовательной политики государств растворяется в облаке ветрености европейских дворов XVI–XVIII вв., личных интересов и амбиций политических деятелей. В связи с этим интересны рассуждения императора Священной Римской империи Иосифа II о переговорах по поводу завершения войны за независимость американских штатов. В разговоре с британским послом в Вене, Робертом Китом, он подметил: «Вы, кажется, преувеличиваете значение государственной политики, национальной чести и национальных при-

оритетов... Вы забываете, что в разразившемся кризисе преобладают не интересы Франции, Англии, или Голландии..., а личные амбиции и надежды Джона, Эндрю, или Питера, министров этих стран. Г. Фокс исходит именно из этого, добиваясь мирного исхода конфликта, Г. Де Верженн... стремится извлечь из этого мира максимум личной пользы, неопределённость лорда Шелберна объяснима его сомнениями по поводу возможных выгод и потерь в случае заключения мира»⁷.

Британский полномочный посол, Бенджамин Кин, следующим образом характеризует испанский политический курс первой половины XVIII в.: «...минутные пристрастия и воля случая имеют такие значительные последствия для государственных дел, что ... почти невозможно предсказать, как изменится ситуация в течение следующих 24 часов». Кин так комментирует нападение Испании на Австрию в 1733 г.: «Эта война отнюдь не является продолжением последовательной политики Испании, но – лишь результатом подстрекательства и провокации французов»⁸.

В монохромной картине материалистической ортодоксии война была представлена весьма ограничено и односторонне. Её культурно-социальная, ментальная сферы оставались в тени фундаментальных материалистических постулатов. Одна из самых эмоциональных трагичных сфер человеческой жизни, война каждый раз оказывалась выхоленной обезличенным миром экономики, прагматизмом политического расчёта. В отличие от монотеистических концепций цивилизационно – культурный плюрализм позволяет увидеть новые грани и сферы военного дела, а на традиционные формы взглянуть под несколько иным ракурсом.

Так, например, специфика отношений российского феодального социума и военного дела выразилась в общенародном характере войн России. Пиком проявления этого культурно – национального феномена стал хрестоматийный для российской истории 1612 г., но и до Петра Великого и после российские рати оставались общенародными и всесловными. Их ядро было представлено «служилыми людьми», ещё не разорвавшими родовые связи с низшими слоями общества. Боярско-княжеская аристократия привлекалась на службу в каче-

⁶ *Black J.* The theory of the balance of power in the first half of the eighteenth century: a note on sources // *Review of International Studies.* – 1983. – №9.

⁷ *Black J.* The theory of the balance of power... P.19.

⁸ Там же.

стве командования. Крестьянство и иные низшие сословия были представлены через механизм «пошоных ратей», позднее, – посредством даточных и рекрутских наборов. Армия была тесно связана с солью земли русской. Образ ратника и ратной службы постоянно присутствует в русском народном фольклоре, где он окружён уважением, сочувствием и теплотой.

В западноевропейской социально-сословной культуре военное дело ещё долго культивировалось, как привилегия аристократии и дворянства. Население от войны старались оградить. В своём трактате по военному искусству видный военачальник эпохи, Р. Монтекуколи, акцентирует на то, что народ нельзя допускать к ведению войны⁹. Этот обычай, унаследованный от рыцарских времён, в XVII в. был официально закреплён в международном праве.

Социальный состав армий – дворянско-профессиональный на западе и народный общесословный – в России определяли своеобразие национальной военной культуры. Прежде всего, это проявлялось в причинах и природе войн эпохи. Доминанта материалистического видения истории, экономический след, в войнах позднего феодализма прослеживался только отчасти. Торгово-промышленная буржуазия, генетический генератор меркантилизма, ещё только осваивала внутренние рынки и не оказывала заметного влияния на внешнюю политику, за исключением, пожалуй, Англии и Голландии.

В большинстве случаев экономический интерес оказывался в тени более мощных побудительных мотивов. На первый план, как правило, выступали династические интересы, сословные пережитки, религиозные предрассудки или те же личные амбиции.

Главная политическая сила феодального общества, дворянство, не скрывали откровенного пренебрежения торгово – экономическими мотивами. Меркантильность и война лежали в различных системах ценностно-сословных координат. Если война оставалась сферой благородного дворянства, то – торговля, ремесло считались уделом низших сословий. Сам Людовик XIV, знаковая символическая фигура для рубежа XVII-XVIII вв., в целом, благоволивший национальной коммерции, к ней, как к первопричине войны, относился весьма сдержан-

но. По настоящему ценным военным призом оставалась территория, земля, представляющая высшее благо в аристократической системе ценностей. Даже Голландская война (1672–1678 гг.), часто объясняемая экономической конкуренцией, в сущности, рассматривалась Людовиком XIV как территориальная аннексия¹⁰.

Истинным мотивом для дворянства оставалась жажда славы, честь и признание. Посвящённая во все тонкости Версальского этикета, мадам Совиньи, видела в стремлении к славе и признанию истинный критерий благородства: «Любой подтвердит, что дворянин достоин уважения настолько, насколько он ценит славу и стремится к ней, поэтому все свои помыслы он должен посвящать ей»¹¹. Придворной даме вторит известный фронтёр, кардинал Ретц: «Ничто не возвышает так мужчин над окружающим миром, как любовь к величию и славе»¹².

Монархи имели более сложную мотивацию – сочетание типичных аристократических ценностей и интересов правящего дома. Война воспринималась не только как достойное для монархов занятие, но и как высшее благо для поданных. Для Людовика XIV война являлась индикатором мужества и величия. Современники отмечали: «Он проявляет настоящую страсть к войне, и приходит в отчаяние, когда его удерживают от участия в походе»¹³. Объясняя нападение на Голландию в 1672 г., Людовик XIV вспоминал, «я не пытаюсь оправдываться, ведь для монарха честолюбивые помыслы всегда простительны, и особенно для такого монарха, страстно желавшего всеобщего признания, каким в молодости был я»¹⁴.

Историки до сих пор дискутируют по поводу истинных мотивов внешней политики Людовика XIV. Большинство склоняется к тому, что политические мотивы не являлись для него ни достаточно веской причиной, ни достойной наградой. Действительной целью войны оставались репутация и величие. Гастон Зеллэ выразил позицию большинства современных историков: «Главную роль в политической

⁹ Записки Раймонда графа Монтекуколи или главные правила военной науки. М., 1760. С. 65.

¹⁰ *Sonnino Paul*. Louis XIV and the Origins of the Dutch War. Cambridge University Press. 2002. P. 94–114.

¹¹ *Lettres de madame de Sevigne*. Paris., 1822–23. V.7. P. 394.

¹² *Lynn J.A.* The Wars of Louis XIV 1667–1714. London and New York., 1999. P. 28.

¹³ *Wolf J.B.* Louis XIV. New York., 1968. P. 78.

¹⁴ *Wolf J.B.* Louis XIV... P. 217.

Политика и общество 7 (115) • 2014

программе Луи XIV играло стремление к славе»¹⁵.

Того же мнения придерживается глубокий мыслитель и тонкий эрудит Андрей Лосский: «Его цель была весьма проста: возвысить престиж государства и дома Бурбонов настолько, чтобы его собственное превосходство как «величайшего их христианнейших монархов» ни у кого не вызывало сомнений»¹⁶.

Важной характеристикой культуры выступает ценностно-нравственное отражение войны в общественном сознании эпохи. Начала этих ментальных трансформаций нужно искать в дворянской субкультуре, так как военное дело являлось её неотъемлемой частью и отражало характерные тенденции её развития. В этот период профессиональная утилитарность несколько уступает позиции перед дворянской сословной культурой. Тенденции на удовлетворение материальных потребностей армии определяли военное искусство эпохи. Дворянство проводило поход в привычном для них комфорте. Аристократическая изысканность, гипертрофированная утонченность, стремление к роскоши и удовольствиям скрашивали суровую военную обыденность. Рядовой состав обеспечивался всем необходимым от государства. Военные действия велись только в комфортное время года, замирая с наступлением холодов до весны. Больше время кампании войска проводили в удобных полевых лагерьях или под стенами осаждённых крепостей.

Для дворянства, война постепенно становится своеобразным развлечением, в меру комфортным, хотя и сопряжённым с риском для жизни. Она приятно будоражит дворянскую кровь между уже наскучившими балами, маскарадами и карточными партиями. Как отмечает М. Говард, «Для Луи XIV и его двора, по крайней мере, в молодости, война представлялась чем-то типа сезонной охоты»¹⁷. «Война в кружевах» становилась своеобразным воплощением европейской культуры кануна Нового времени и Просвещения.

Меняется отношение к войне и недворянского населения. Эпоха религиозного ожесточения, разгула наёмной солдатни, повальных грабежей и насилия уходила в прошлое. Уже во вторую половину XVII в. для большинства европейцев война не

воспринималась как несчастье, как бедствие, несшее разорение, голод и смерть. Хотя войны растягиваются на десятилетия, их интенсивность постепенно снижается. Количество кровопролитных сражений и решительных операций за вторую половину XVII столетия можно было перечислить на одной руке. Боевые действия, в основном, сводятся к маневрированию и осаде крепостей. Такая умеренность не наносила большого вреда мирному обывателю. Урон хозяйству и торговле старались минимизировать, правда, не столько из гуманистических, сколько – из прагматических соображений. Вобан при осаде городов рекомендовал «никогда домов в крепости не вредить, ибо сие к сдаче крепости не служит, только к продолжению времени и напрасной трате аммуниции, и по взятии сей крепости починка оных дорого становится»¹⁸.

Шведский исследователь П.Энглунд заключает, что для общества XVII–XVIII веков война совсем не являлась тем, чем она станет в XX веке, веке мировых войн, угрожающих самому существованию земной цивилизации. Война совсем не считалась «бичом и проклятьем»: «Она не была чем-то тотальным, безусловным и всепоглощающим, в какой-то мере можно было оставаться в стороне, выбирать степень своего участия... Такое своеобразное отношение к войне разделял и простой народ, о чём свидетельствует то, что сражение иногда превращалось в настоящее народное гуляние. Случалось, что большие группы населения отправлялись посмотреть на какую-нибудь битву, как будто речь шла о грандиозном спектакле»¹⁹.

Бесконечная вялотекущая война XVII–XVIII вв. становится нормой европейской жизни. Поколения европейцев привыкают к ней, как к неотъемлемой и, в целом, обыденной сфере окружающей реальности. Современник той эпохи, писатель и историк К. Фрескот грустно замечал по этому поводу: «Мир не всегда присущ нашей цивилизации, и, честно говоря, мы и не особенно стремимся к нему, и каждый раз, обретая его, мы осознаём, что это ненадолго»²⁰. Психологическая грань между миром и войной ста-

¹⁵ Lynn J.A. The Wars of Louis XIV... P. 32.

¹⁶ Lossky A. International Relation in Europe \ New Cambridge Modern History. Cambridge., 1970. V.6. P. 207.

¹⁷ Howard M. The Causes of wars and others essays. 1983. P. 13.

¹⁸ Вобан. Книга о атаке и обороне крепостей. СПб., 1744. С. 160.

¹⁹ Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 56-57.

²⁰ Freschot C. Histoire du Congress et la Paix d'Utrecht. Utrecht., 1716. P. 6.

новится весьма условной. Привыкание европейцев к войне, отношение к ней, как к норме жизни, постепенно становится всё более заметным оттенком европейской культуры.

Совершенно иные образы вызывала война в русском социуме. Природно-климатическая суровость России, огромные, редконаселённые пространства и неразвитая дорожная сеть препятствовали нормальной жизни страны даже в условиях мира, не говоря уж о войне. В XVI–XVII вв. в судьбу России всё решительнее вмешивается геополитический фактор. Он оказал влияние на все стороны жизнедеятельности народа и определил сущность русской цивилизации. В.О. Ключевский отмечает эту тенденцию, сформулировав её, как социально-экономическую закономерность: «...внешнее территориальное расширение государства идёт в обратном пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа»²¹. Чем шире раздвигались границы государства, тем больше народных сил требовалось на освоение и защиту его территории. Это не преминуло отразиться и на характере военных действий. При расширении территории государства, его границы отодвинулись от Москвы на тысячи вёрст, а протяжённость рубежей возросла многократно. Теперь до противника нужно было ещё дойти, преодолев тысячи вёрст бескормицы и нужды, холода и бездорожья. Тяжёлые походы от Москвы до Полоцка и Орши, до Казани и Нарвы становились настоящим испытанием для людей, а там ещё нужно было вести боевые действия. Восточная война была чужда европейскому менталитету – здесь редко можно было потешить благородное дворянское самолюбие и утолить жажду славы. Восточная война – это не бравые атаки, кавалерийские сшибки, развевающие штандарты, богатые трофеи. Это – изматывающие тело и душу тысячевёрстные переходы, в жару, в холод, в весеннюю распутицу, через болота и непроходимую лесную глушь, бивуаки на стылой земле, голод, болезни. Русскому ратнику-земледельцу было не до романтического пафоса. В его стоическом сознании застыли иные ассоциации – тяжёлый солдатский труд, преодоление, долг, страдание, терпение.

Веяния военного права и идеи гуманизма ещё не достигли северных и восточных окраин Европы.

Война в этих краях велась с крайним ожесточением и кровопролитием. Шведы, русские, поляки, казаки, оспаривали друг у друга первенство в варварстве и насилии. Русские покоряли Прибалтику огнём и мечом, оставляя после себя спалённые латышские мызы и рыцарские фольварки. Маршруты шведов можно было проследить по дымящимся головёшкам, оставшимся от литовских и белорусских сёл. Ограбление Польши и Саксонии Карлом XII приобретало общегосударственный размах. Небывалой свирепостью и ожесточением отличались и сражения. Картины насилия, грабежей, расправ над пленными и мирными жителями типичны для войн восточной Европы вплоть до конца XVIII в.

Негативные образы войны во многом формировались под влиянием финансово – налогового бремени, который приходилось нести населению. В отечественной историографии долгое время было принято рисовать образы постоянно растущего налогового гнёта, как проявления феодальной эксплуатации. Европейские исследования последних лет общеевропейскую тенденцию к повышению налогов не отрицают, хотя предпочитают говорить не о беспрецедентном росте, а об упорядочении финансовой системы и введении правильного общегосударственного налога²². Более того, исследования подтверждают, налог с населения не являлся главным источником ведения войн. Европейские правительства предпочитали известную умеренность по отношению к своему народу, тем более в военное время, делая упор на государственные кредиты, займы, контрибуции и т. д.²³

Готовясь к войнам, Россия «... при всём желании не могла заключить внешнего займа, – хотя попытки к этому и делались Петром, – просто потому, что не имела никакого кредита; а внутренний заём ... вряд ли нашёл бы охотников поместить в него по доброй воле свои капиталы – в

²² История крестьянства Европы. Эпоха феодализма. Под ред. Удальцова З.В. М., 1986. Т. 3. С. 103; *Braddick M. J. The Nerves of State: Taxation and the Financing of the English State 1558-1714.* 1996. P. 112-113; *Spooner F. The International Economy and Monetary Movements in France. 1493-1725.* 1972. P. 306.

²³ *Linn J. A. Giant of the Grant Siècle: The French Army 1635-1715.* Cambridge., 2006. P. 24; *Hochedlinger M. Austrian's War of Emergence 1683-1797.* 2003. P. 39; *Brenner J. The Sinews of Powers.* London., 1989. P. 153; *Rowlands G. The Financial Decline of a Great Power.* Oxford., 2012. P. 43, 81.

²¹ *Ключевский В.О. Курс русской истории.* М., 1988. Т. III. С. 7.

Политика и общество 7 (115) • 2014

государство, которое не привыкло ещё к строгому различению своей и частной собственности»²⁴. Источники, которые покрывали 80 – 90% военных расходов, например, Франции, для России оказывались недоступными. Если Франция или Англия по военным кредитам расплачивались десятилетиями, то Россия была лишена такой возможности. Эту специфику отмечали и иноземные дипломаты: «Все расходы царя уплачиваются в пределах текущего года, что особенно увеличивает тяжесть войны. Хотя он должен не более 200 000 рублей, его казначейство при дурном управлении не может найти кредита даже на 10 000 рублей; купцы не хотят давать переводов, пока не получат в руки денег»²⁵. У России не было иного источника военных расходов, кроме своего народа. Каждая война оборачивалась громадным напряжением народных сил, и тяжёлым бременем ложилась на плечи служилых и податных сословий. Причём модернизационные процессы, набиравшие темпы в XVII–XVIII вв., только усугубляли и без того трудное социально-экономическое положение народа.

Таким образом, военные культуры России и Западной Европы периода позднего феодализма, как цивилизационные формообразования, значительно отличались друг от друга. В европейском обществе накануне Нового времени наблюдается постепенный переход от негативного отношения к войне – к индифферентному. Инфантильность простого народа в сочетании с сословно-ментальной воинственностью дворянства, материальной заинтересованностью профессиональных воинов и агрессивной предприимчивостью торгово-промышленных буржуа дает основание современным исследователям заявлять о «культурной предрасположенностью цивилизации к войне»²⁶. На Руси наблюдаются обратные тенденции. В русской культурной традиции позднего феодализма война остаётся тяжёлым испытанием народа. Она несёт горе и страдания, разруху, лишения, голод, смерть. Более того, образы и ассоциации войн Нового вре-

мени только усиливают антивоенные настроения. Стойкое неприятие войны становится всё более доминирующим ментально-нравственным образованием русской культуры.

Библиография:

1. Вобан. Книга о атаке и обороне крепостей. СПб., 1744.
2. Записки Раймонда графа Монтекуколи или главные правила военной науки. М., 1760.
3. История крестьянства Европы. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3.
4. Клаузевиц К. Принципы ведения войны. М., 2009.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1988. Т. III.
6. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформы Петра Великого. СПб., 1905.
7. Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.
8. Black J. The theory of the balance of power in the first half of the eighteenth century: a note on sources // *Review of International Studies*. 1983. №9.
9. Brenner J. *The Sinews of Powers*. London., 1989.
10. Braddick M. J. *The Nerves of State: Taxation and the Financing of the English State 1558 – 1714*. 1996.
11. Doran C. F. *Power Cycle Theory and the Contemporary State System* // Thompson W. R. *Contending Approaches to World System Analysis*. Beverly Hills., 1983.
12. Freschot C. *Histoire du Congress et la Paix d'Utrecht*. Utrecht., 1716.
13. Hochedlinger M. *Austrian's War of Emergence 1683–1797*. 2003.
14. Howard M. *The Causes of wars and others essays*. 1983.
15. *Lettres de madame de Sevigne*. Paris., 1822–23. V.7.
16. Lynn J.A. *The Wars of Louis XIV 1667–1714*. London and New York., 1999.
17. Lynn J. A. *Giant of the Grant Siècle: The French Army 1635-1715*. Cambridge., 2006.
18. Modelski G. *The Long Cycle of Global Politics and the Nation State* // *Comparative Studies in Society and History*. 1978. №20.

²⁴ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 177.

²⁵ Whitworth Ch. *An account of Russia, as it was in the year 1710*. London: Strawberry-Hill., 1758. V. XXIV. P.93.

²⁶ Howard M. *Weapon and Peace*. 1983. С.6; Black J. *The Origins of War in Early Modern Europe*. – Edinburg. 1987. P.123.

19. Rowlands G. *The Financial Decline of a Great Power*. Oxford., 2012.
20. Skocpol T. Wallerstein's world capitalist system: a theoretical and historical critique. // *American Journal of Sociology*. 1983. № 82.
21. Sonnino Paul. *Louis XIV and the Origins of the Dutch War*. Cambridge University Press. 2002. P. 94-114.
22. Spooner F. *The International Economy and Monetary Movements in France. 1493-1725*. 1972. P. 306.
23. Thompson W. R. *Uneven Economic Growth, Systemic Challenges, and Global Wars* // *International Studies Quarterly*. 1983. №27.
24. Whitworth Ch. *An account of Russia, as it was in the year 1710*. London: Strawberry-Hill., 1758. V. XXIV.
25. Wolf J.B. *Louis XIV*. New York., 1968.
9. Doran C. F. *Power Cycle Theory and the Contemporary State System* // Thompson W. R. *Contending Approaches to World System Analysis*. Beverly Hills., 1983.
10. Freschot S. *Histoire du Congress et la Paix d'Utrecht*. Utrecht., 1716.
11. Hochedlinger M. *Austrian's War of Emergence 1683-1797*. 2003.
12. Howard M. *The Causes of wars and others essays*. 1983.
13. *Lettres de madame de Sevigne*. Paris., 1822-23. V.7.
14. Lynn J.A. *The Wars of Louis XIV 1667-1714*. London and New York., 1999.
15. Lynn J. A. *Giant of the Grant Siècle: The French Army 1635-1715*. Cambridge., 2006.
16. Modelski G. *The Long Cycle of Global Politics and the Nation State* // *Comparative Studies in Society and History*. 1978. №20.
17. Rowlands G. *The Financial Decline of a Great Power*. Oxford., 2012.
18. Skocpol T. Wallerstein's world capitalist system: a theoretical and historical critique. // *American Journal of Sociology*. 1983. № 82.
19. Sonnino Paul. *Louis XIV and the Origins of the Dutch War*. Cambridge University Press. 2002. P. 94-114.
20. Spooner F. *The International Economy and Monetary Movements in France. 1493-1725*. 1972. R. 306.
21. Thompson W. R. *Uneven Economic Growth, Systemic Challenges, and Global Wars* // *International Studies Quarterly*. 1983. №27.
22. Whitworth Ch. *An account of Russia, as it was in the year 1710*. London: Strawberry-Hill., 1758. V. XXIV.
23. Wolf J.B. *Louis XIV*. New York., 1968.

References (transliteration):

1. Voban. *Kniga o atake i oborone krepostei*. SPb., 1744.
2. Klauzevits K. *Printsipy vedeniya voyny*. M., 2009.
3. Klyuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii*. M., 1988. T. III.
4. Milyukov P.N. *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII veka i reformy Petra Velikogo*. SPb., 1905.
5. Englund P. *Poltava: Rasskaz o gibeli odnoi armii*. M., 1995.
6. Black J. *The theory of the balance of power in the first half of the eighteenth century: a note on sources* // *Review of International Studies*. 1983. №9.
7. Brenner J. *The Sinews of Powers*. London., 1989.
8. Braddick M. J. *The Nerves of State: Taxation and the Financing of the English State 1558 - 1714*. 1996.